

DOI 10.46741/2713-2811-2021-4-38-42
УДК 343.9.01

О соотношении функций и целей уголовного наказания во взаимосвязи с обеспечением его исполнения

И. В. ДВОРЯНСКОВ – главный научный сотрудник НИЦ-2 Научно-исследовательского института ФСИН России, доктор юридических наук, профессор

В статье рассматривается проблема релевантности функций и целей уголовного наказания. Функции наказания недостаточно исследованы в науке уголовного права. Между тем именно они отражают сущность и социальное предназначение наказания и, соответственно, должны определять его цели. На практике наблюдается рассогласованность реальных функций и декларируемых целей наказания, что отрицательно влияет на обеспечение его исполнения. Автор приходит к выводу о том, что современные цели наказания не соответствуют его фактическим функциям, в нынешнем своем виде имеют декларативный и концептуально несовершенный характер. Это означает, что при благородстве посылки они не отвечают условию достижимости в силу ряда причин: понятийной неточности (восстановление социальной справедливости), избыточности, противоречивости и практической неверифицируемости (исправление и специальная превенция), архаичности (общая превенция). А самое главное, существующие цели наказания ввиду указанных недостатков существенно затрудняют его исполнение.

К л ю ч е в ы е с л о в а : функции наказания; цели наказания; соотношение и взаимосвязь с обеспечением исполнения уголовных наказаний.

12.00.08 – Уголовное право и криминология, уголовно-исполнительное право.

Д л я ц и т и р о в а н и я : Дворянсков И. В. О соотношении функций и целей уголовного наказания во взаимосвязи с обеспечением его исполнения. *Ius publicum et privatum : сетевой научно-практический журнал частного и публичного права*, 2021, № 4 (14), с. 38–42, DOI 10.46741/2713-2811-2021-4-38-42.

On the correlation of functions and purposes of criminal punishment in conjunction with ensuring its execution

I. V. DVORYANSKOV – Chief Researcher of the Research Center-2 of the Research Institute of the Federal Penal Service of Russia, Dsc. of Law, Professor

The article deals with the problem of relevance of the functions and purposes of criminal punishment. The functions of punishment have not been sufficiently studied in the science of criminal law. Meanwhile they reflect the essence and social purpose of punishment and, accordingly, should determine its goals. In practice there is a discrepancy between the real functions and the declared goals of punishment, which negatively affects the assurance of its execution. The author comes to the conclusion that the modern goals of punishment do not correspond to its actual functions, in their current form they are declarative and conceptually imperfect. This means that given the nobility of the message they do not meet the condition of attainability due to a number of reasons: conceptual imprecision (restoration of social justice), redundancy, inconsistency and practical non-verifiability (correction and special prevention), archaism (general prevention). And most importantly the existing goals of punishment, due to the indicated shortcomings, significantly complicate its implementation.

Key words: functions of punishment; the purpose of the punishment; correlation and relationship with execution of criminal penalties.

12.00.08 – Criminal law and criminology, penal law.

For citation: Dvoryanskov I. V. On the correlation of functions and purposes of criminal punishment in conjunction with ensuring its execution. *Ius publicum et privatum : online scientific and practical journal of private and public law*, 2021, no. 4 (14), pp. 38–42, DOI 10.46741/2713-2811-2021-4-38-42.

В науке результативность наказания принято рассматривать с позиции формулировки его целей, то есть параметров ожидаемого эффекта от применения. Данные параметры отражают статику явления, тогда как изучение исполнения наказания требует критериев, позволяющих измерить динамику процесса. В качестве таковых выступают функции наказания. Очевидно, что они должны соотноситься с целями как форма и содержание, в силу того что цели воплощаются в реализации наказания посредством его функций. Применительно к предмету настоящего исследования более всего подходит определение функции как внешнего проявления свойств объекта в данной системе отношений¹.

Проблеме функций наказания в литературе уделяется недостаточно внимания. Обычно называют четыре основные функции уголовного наказания – возмездие, предупреждение, исправление и восстановление социальной справедливости². Отдельные авторы отводят функциям наказания место в объективной стороне состава его исполнения и сводят их, по сути, к карательной деятельности³. Очевидно, что данная функция является ключевой, поскольку вытекает из сущности наказания⁴, но далеко не единственной. Более того, реальные функции современного уголовного наказания не совпадают с его декларируемыми целями. Цели наказания представляют собой исторически изменчивую категорию, обусловленную тенденциями и уровнем развития общественного сознания. Полагаем при этом, что эффективность наказания может быть обеспечена только постановкой научно обоснованных целей, в основу которых положена теоретически цельная и непротиворечивая концепция целеполагания. Цели наказания в отечественном уголовном праве менялись исторически. Со времен Русской Правды это возмездие и имущественные выгоды. Однако уже русское средневековое право этим не ограничивается. Соборное уложение 1649 г. отличается от уголовного права Русской Правды и судебных новыми карательными ориентирами публичного характера, состоящими в защите государства и общества от преступников и преступлений. Основной целью петровского уголовного законодательства, представленной прежде всего в Артикулах воинских, признавалось устрашение, что следовало из оговорок типа: «дабы через то страх подать и оных от таких непристойностей удержать». Устрашение сочеталось с публичностью наказа-

ний. Казнь производилась в людном месте, о ней предварительно объявлялось.

Главной целью наказания по Уложению о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г., явившему собой итог карательной политики Николая I, выступало возмездие, которое связывалось со стремлением предотвратить под страхом наказания другие преступления. В указанном уложении были подробно определены все правовые признаки, характеризующие преступные деяния, виды наказаний и условия их применения. Наряду с Уложением о наказаниях 1845 г. и Уголовным уложением, утвержденным Николаем II в 1903 г., действовали Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями, 1864 г., Военный 1875 г. и Военно-морской 1886 г. уставы о наказаниях, не отличавшиеся иным содержанием целей наказания.

В Уголовном уложении 1903 г., последнем уголовно-правовом акте Российской империи, серьезных изменений в формулировке целей не наблюдалось⁵.

Однако с приходом советской власти все резко меняется. Цели наказания стали носить ярко выраженный социальный характер, что было обусловлено новой государственной (социалистической) идеологией. В УК РСФСР 1922 г. в качестве целей были закреплены: предупреждение новых правонарушений, приспособление нарушителя к условиям общежития, лишение преступника возможности совершать новые преступления, правовая защита государства трудящихся от преступлений и общественно опасных элементов путем применения к нарушителям наказания или других мер социальной защиты.

Согласно УК РСФСР 1926 г. целью мер социальной защиты являлось общее предупреждение новых нарушений со стороны как нарушителя, так и других лиц.

И только в УК РСФСР 1960 г. были закреплены цели, более-менее близкие к существующим в настоящее время. В ст. 20 кодекса говорилось: «Наказание не только является карой за совершенное преступление, но и имеет целью исправление и перевоспитание осужденных в духе честного отношения к труду, точного исполнения законов, уважения к правилам социалистического общежития, а также предупреждение совершения новых преступлений как осужденными, так и иными лицами. Наказание не имеет целью причинение физических страданий или унижение человеческого достоинства».

Очевидно, что данная совокупность целей представляла собой эклектичный кон-

гломерат, сочетающий догматы классической и социологической школ уголовного права, и поэтому, на наш взгляд, не имеющий крепкого доктринального фундамента. Как представляется, это было обусловлено исторической целесообразностью отхода от намного более цельной и научно обоснованной, но скомпрометировавшей себя уголовной политики сталинского периода. Иными причинами трудно объяснить откат к уже устаревшим на тот период и буржуазным по сути концепциям предупреждения и исправления.

Возникает вопрос, насколько релевантны эти формулировки подлинным функциям и возможностям наказания. Считаем необходимым высказать в связи с этим некоторые соображения относительно природы наказания и его способности достигать указанные цели.

Наказание, на наш взгляд, выступает средством достижения положительного социального эффекта, моделируемого с учетом двух показателей: 1) что ждет от наказания общество; 2) на что действительно способно наказание, возможности которого, разумеется, не беспредельны. Последняя позиция важна потому, что государство рассчитывает обеспечить наказанием не только слепую кару за совершенное преступление, но и достижение социального идеала в сфере борьбы с преступностью.

Ввиду того что наказание представляет собой реакцию на событие прошлого – преступление, оно является ретроактивной мерой. Иными словами, выступать превентивной мерой оно вряд ли может, поскольку таковые предпринимаются до предупреждаемого события, а не после его совершения. Наказание имеет дело с последствиями преступления, но не может воздействовать на его причины, поскольку они вплетены в сложную систему социально-личностной детерминации с мощными факторами, остающимися вне досягаемости закона. Следовательно, надежда на то, что на них повлияет наказание, не имеет под собой достаточных оснований. В этой связи наказание лишь фиксирует общественную и государственную оценку содеянного, а оценка, как известно, должна быть справедливой, иначе в ней просто не будет смысла. В этом проявляются функции оценки и официального порицания преступления.

Представляется, что наказание, конкретно представленное в санкциях норм Особенной части УК РФ, выполняет и аксиологическую функцию, поскольку выступает

правовым измерителем ценности охраняемых благ и наносимого им ущерба. Соответственно, чем ценнее благо, тем строже наказание за посягательство на него. Так, максимальное наказание за простое убийство – пятнадцать лет лишения свободы, а за неквалифицированную кражу – два года лишения свободы. Получается, отбросив квалифицирующие признаки, можно сделать вывод о том, что жизнь ценнее собственности в 7,5 раз.

Полагаем, что наказание представляет собой форму реагирования на преступность и может быть эффективно только в сочетании с мерами профилактики. По своей сути это мера уголовной ответственности за содеянное, накладывающая на виновного обязанность претерпеть кару, предполагающая в качестве дополнительного функционала возможность дифференциации ответственности (например, посредством замены одного наказания другим, назначения дополнительного наказания).

Кроме того, представляется, что наказание выполняет функцию коммуникации между государством и обществом, посредством которой первое выражает свою позицию относительно того, что является преступным и, соответственно, опасным.

Наказание происходит от древнерусского слова «наказ» (наставление, поучение, распоряжение). Таким образом, реальные функции наказания – это социальное управление, а также утверждение воли государства, репрессия (подавление), официальная оценка преступления, выраженная в фиксации нанесенного ущерба, эквивалируемая в качественных и количественных характеристиках наказания, порицание содеянного.

Говоря о существующих целях наказания, следует обратить внимание на то, что у них нет единого концептуального основания. Так, цели исправления и предупреждения преступлений противоречат друг другу. Первая ориентирована на то, что под воздействием наказания личность человека, совершившего преступление, подвергнется определенной трансформации, связанной с формированием у него уважительного отношения к человеку, обществу, труду, нормам, правилам и традициям человеческого общежития и стимулированием правоопослушного поведения (ст. 9 УИК РФ). Таким образом, исправление в его существующем виде предполагает рассмотрение преступной склонности как внутренней патологии, которая поддается коррекции посредством изменения отношения преступника к со-

циальным ценностям. Цель же предупреждения преступления, особенно в аспекте специальной превенции, постулирует страх в качестве сдерживающего механизма в отношении возможного в дальнейшем криминального поведения, что само по себе обесценивает те эффекты, которые достигаются целью исправления.

Кроме того, формулируя обе указанные цели, законодатель фактически игнорирует социальную (внешнюю) детерминацию преступности, рассматривает преступника абстрагированно от условий его жизни как до, так и после наказания. Между тем проблемы социальных детерминант преступности отнюдь не новы и были краеугольным камнем оппозиции классической и социологической школ уголовного права еще в XIX в.

Вернемся к сегодняшнему дню. В результате существования выявленного противоречия в целях наказания, а также несоответствия их реальным (фактическим) функциям этого уголовно-правового института на практике возникают серьезные проблемы.

Формулируемые в действующем уголовном законе цели исправления и предупреждения ставят в весьма сложное положение и правоприменителя. Рассмотрим в качестве примера деятельность уголовно-исполнительных инспекций (УИИ), исполняющих большинство наказаний, не связанных с изоляцией осужденного от общества. Как известно, само наказание состоит в принуждении осужденного к выполнению определенных обязанностей (трудиться, учиться, пройти лечение, отмечаться в УИИ и т. п.). За уклонение предусмотрен ряд карательных мер, в том числе и замена условного наказания реальным, а реального – более строгим. Вместе с тем УИИ в рамках исполнения наказания организуют проведение с осужденными воспитательной и социальной работы.

Территориальные органы и УИИ ориентированы на реализацию требований Федерального закона от 23.06.2016 № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации». Им предусматривается система мер, применяемых субъектами в форме специальной и общей профилактики правонарушений. К общепрофилактическим мерам относятся комплексные мероприятия по социальной реабилитации лиц, находящихся в трудной жизненной ситуации, к специальным – профилактический учет, профилактический надзор и т. п.

Социально ориентированные задачи выполняются УИИ в соответствии с приказом Минюста России от 11.10.2010 № 258 «Об утверждении Инструкции по организации исполнения наказания в виде ограничения свободы». Согласно п. 4 инструкции на уголовно-исполнительные инспекции возложена обязанность по осуществлению взаимодействия с органами местного самоуправления и социальными службами в решении вопросов оказания осужденным к ограничению свободы помощи в трудоустройстве, а также с медицинскими организациями, производящими лечение больных наркоманией, путем запроса информации о прохождении осужденными лечения и с организациями, реализующими медицинскую реабилитацию больных наркоманией, путем запроса информации о прохождении осужденными реабилитации⁶.

Думается, что с рациональных позиций сложно совмещать во взаимоотношениях УИИ с осужденным карательный и социально-реабилитирующий аспекты. По крайней мере, оба субъекта оказываются в противоречивых ролях. УИИ, с одной стороны, должна осуществлять карающее воздействие, а с другой – оказывать социальную помощь. Осужденный же выступает объектом карательного воздействия и практически одновременно партнером в процессе оказания социальной помощи. Происходит смешение ролей. Этому, безусловно, способствует цель исправления, достижение которой требуется именно в процессе карательного воздействия, что и логически, и психологически не обосновано.

Очевидно, осужденному сложно приспособиться к постоянной смене образа инспектора и по-настоящему испытать к нему доверие.

Что касается цели предупреждения преступлений, то, как уже отмечалось, она основана на постулировании страха перед наказанием, что в корне противоречит концепции исправления.

Восстановление социальной справедливости как цель наказания, в свою очередь, также не имеет непротиворечивой концептуальной основы. На наш взгляд, справедливость является относительно стабильной аксиологической категорией, которая сама по себе нарушена быть не может, а выступает некой константой, системой измерения, идеальной моделью, с помощью которой можно оценивать как преступные деяния, так и властные (судебные) акты, принимаемые по их поводу. При таком понимании

мы должны не восстанавливать социальную справедливость, а приводить общественные отношения (конкретные обстоятельства) в соответствие с относительно устойчивыми (стабильными) аксиологическими требованиями (критериями), которые должны обретать своего рода статус-кво.

Если же исходить из концепции восстановления социальной справедливости, то автоматически надо допускать, что последняя является нестабильной, часто нарушаемой категорией. Но раз мы допускаем, что справедливость нужно восстанавливать, то где тот эталон (шаблон), по которому это должно происходить? Или мы говорим о двух видах справедливости (нарушаемой и эталонной)? Думается, в этом нет никакого смысла.

Вместе с тем нельзя не обратить внимание на противоречие данной цели принципу справедливости, закрепленному в ст. 6 УК РФ, соблюдение которого однозначно свидетельствует о том, что уже при назначении наказания должна обеспечиваться (восстанавливаться) справедливость. Цель же восстановления социальной справедливости означает, что после вынесения наказания ее только предстоит достичь, то есть речь идет об определенной перспективной функции. Иными словами, соблюдение принципа

справедливости делает ненужным достижение цели восстановления социальной справедливости и, наоборот, требование достижения такой цели фактически свидетельствует, что указанный принцип был нарушен.

Таким образом, в нынешнем своем виде цели наказания имеют декларативный и концептуально несовершенный характер. Это означает, что при благородстве посылы они не отвечают условию достижимости в силу ряда причин: понятийной неточности (восстановление социальной справедливости), избыточности, противоречивости и практической неverifiedируемости (исправление и специальная превенция), архаичности (общая превенция). А самое главное, существующие цели наказания ввиду указанных недостатков существенно затрудняют его исполнение.

Если наказание – это реакция государства на преступность, то она должна быть современной и отвечающей реальным социальным потребностям. Очевидно, что, исходя из сущности наказания и его современного понимания, целями его могут быть возмездие (кара), правовая защита общества от преступлений и лиц, их совершающих, а также государственное порицание преступления.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Философский словарь / под ред. М. М. Розенталя. М., 1975. С. 448.

² Касьянов В. В., Нечипуренко В. Н. Социология права : учеб. пособие для студентов вузов. Ростов н/Д, 2002. С. 164–165.

³ Уголовно-исполнительное право России: Общая часть : учеб. для бакалавров / под ред. В. Е. Эминова, В. Н. Орлова. М., 2016. С. 161–163.

⁴ Дворянсков И. В. Эффективность альтернативных наказаний (компенсационная модель) : учеб.-метод. пособие. М., 2005. С. 57–60.

⁵ Он же. Концептуальные проблемы целей наказания // Пенитенциар. наука. 2021. Т. 15, № 2 (54). С. 247–259.

⁶ Курс уголовно-исполнительного права : учеб. : в 3 т. / под общ. ред. Г. А. Корниенко, под науч. ред. А. В. Быкова. М., 2019. Т. 2. Особенная часть. С. 164–165.

¹ Filozofskij slovar' / pod red. M. M. Rozentalja. M., 1975. S. 448.

² Kas'yanov V. V., Nechipurenko V. N. Sociologiya prava : ucheb. posobie dlya studentov vuzov. Rostov n/D, 2002. S. 164–165.

³ Ugolovno-ispolnitel'noe pravo Rossii: Obshhaya chast' : ucheb. dlya bakalavrov / pod red. V. E. E`minova, V. N. Orlova. M., 2016. S. 161–163.

⁴ Dvoryanskov I. V. E`ffektivnost' al'ternativny`x nakazaniij (kompensacionnaya model') : ucheb.-metod. posobie. M., 2005. S. 57–60.

⁵ On zhe. Konceptual'ny`e problemy` celej nakazaniya // Penitenciar. nauka. 2021. T. 15, № 2 (54). S. 247–259.

⁶ Kurs ugolovno-ispolnitel'nogo prava : ucheb. : v 3 t. / pod obshh. red. G. A. Kornienko, pod nauch. red. A. V. By`kova. M., 2019. T. 2. Osobennaya chast'. S. 164–165.